

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

В. А. Слепцов

«Мы очутились в роскошной квартире с необозримой анфиладой комнат, освещенных люстрами, лампами с затейливыми абажурами и бра на стенах. Повсюду слышался веселый шумный говор, смех, споры, а где-то вдали раздавались мелодичные звуки фортепиано...»

**Николай Васильевич
Успенский
В. А. Слепцов**

Был ненастный ноябрьский вечер. Я сидел в своей комнате за письменным столом, вдруг дверь с шумом отворилась, и я увидел дробную фигуру в очках с клинообразной бородой.

Выйдя из-за стола, я поспешил навстречу неожиданному гостю, в котором узнал А.И. Левитова.

– Я тебе не помешал? – тихо спросил он, снимая с себя верхнее платье.

– Напротив, ты очень обрадовал меня своим посещением.

– Кажется, ты что-то писал?

– Начал рассказ из народного быта под названием «Змей».

– Это какой же такой «змей», уж не «огненный» ли?

– Видишь ли, в чем дело: некий сельский огородник вздумал по ночам делать визиты одной придурковатой девке в то время, когда она находилась в объятиях Морфея... Мужики решили, что к ней прилетает змей...

– Понимаю, понимаю!.. Я тоже обдумываю недурную вещицу, только сперва надо у кого-нибудь заполучить авансу... А что же, – са-

дьясь на диван, умиленно проговорил Александр Иванович, – не угостишь водочкой?

– Непременно!..

Мы выпили по стаканчику, беседа наша оживилась.

– Знаешь, какую новость я тебе сообщу? – торжественно возвестил мой «собрат по перу».

– А именно?

– На Знаменской улице в великолепнейшем доме открылась коммуна...

– Это что такое? Я тебя не понимаю... – Коммуна происходит от слова «communis» – общий... Другими словами, открылось общежитие, благодаря почину, авторитету и энергии Слепцова... Ты не знаком с ним?

– К сожалению, нет.

– «О-о! Познакомься непременно!» – скажу я словами Репетилова. Но что особенно при-
скорбно: Василий Алексеевич после своей по-
вести «Трудное время» не пишет ничего. Вот
этаких людей-то сечь да приговаривать: «Пи-
сать, писать, писать!»...

– Однако расскажи мне что-нибудь про эту комму-
нуну.

– Дело в том, что в ней живут образованные молодые люди и девушки вместе, ежемесячно внося в общую кассу известную сумму денег, которыми заведует Слепцов... Что ж? Мысль во всех отношениях прекрасная... Ты вот, например, платишь за свою комнату двенадцать рублей и за свои же деньги подвергаешься оскорблениям со стороны невежественной квартирной хозяйки, умираешь с тоски в одиночестве среди четырех облупленных стен, не имея и сотой доли тех удобств, которыми пользуются обитатели коммуны, а там ты, сидя перед камином, можешь усладить свой слух звуками пианино или арфы, отводить душу беседой с интеллигентными людьми, имеешь под рукой все газеты и журналы... да, наконец, прими во внимание женский персонал, который, что ни говори, немало способствует подъему духа... Давай-ка выпьем...

– Ну, скажи, отчего бы нам с тобой не жить в таком раю?.. Для меня и для тебя совершенно безразлично, кому ни платить двенадцать рублей в месяц...

– Нет! Нас с тобой туда не примут...

– Это почему?

– А вот на каком основании: сегодня у нас имеются деньжонки, а завтра и даже послезавтра – ни гроша... В коммуне же требуется аккуратный взнос... там, брат, свой устав, составленный Слепцовым... Я раз говорил ему, дескать, нельзя ли мне в качестве хоть парии как-нибудь приютиться у вас, хоть, примером будем говорить, в кухне... «Ну, нет! – сказал Василий Алексеевич. – Это немислимо, во-первых, потому, что у нас в кухне наблюдается самый строгий, педантический порядок, а ты любишь вследствие катара чуть не через две-три минуты плевать... Во-вторых, ты любишь выпить и из кухни можешь как-нибудь ворваться в самую коммуну и бушевать... А главное, все вы, народные писатели, страдаете безденежьем, а у нас живут люди более или менее обеспеченные: тут есть и дочка графа, и сынок Тит Титыча... Нет, Левитов, ты эту кухню выбрось из головы... Я лучше буду по временам оказывать тебе пособие в форме какого-нибудь пиджака, трех рублей, стеариновых свечей и так далее». Так поедем, если хочешь? – возгласил Левитов, допивая по-

следний стакан водки. – Об извозчике не заботься... Слепцов ему заплатит.

Мы отправились... Я был немало изумлен, когда Левитов по приезде на Знаменскую улицу приказал извозчику остановиться у ярко освещенного подъезда громадного дома, напоминавшего своей внушительной наружностью совершенный дворец. С необычайной развязностью Александр Иванович миновал солидного швейцара с булавой и начал подниматься по лестнице, украшенной статуями греческих богов и экзотическими растениями. Следуя за своим собратом, я уж начал подозревать его в сильном кураже, когда он вдруг остановился на первой площадке и с необыкновенной силой нажал пуговку электрического звонка...

– Вот, брат, где помещается коммуна-то, – многозначительно проговорил Левитов. – А ты думал, где-нибудь под крышей?.. Нет! Что ни говори, а Слепцов философ... он знает свое дело...

Мы очутились в роскошной квартире с необозримой анфиладой комнат, освещенных люстрами, лампами с затейливыми аба-

журами и бра на стенах. Повсюду слышался веселый шумный говор, смех, споры, а где-то вдали раздавались мелодичные звуки фортепиано.

Но вот и сам Слепцов.

– А-а! Александр Иванович! – раздался приветливый голос. – С кем это ты?..

– Ты незнаком с Николаем Васильевичем Успенским? – таинственно возвестил Левитов.

– Очень, очень приятно...

Передо мной стояла стройная фигура красивого молодого человека с черными, как смоль, волосами и бородой. Это и был даровитый и преждевременно угасший писатель Василий Алексеевич Слепцов. На нем была щегольская куртка, а на голове красовалась шапочка с золотой кисточкой.

Слепцова окружал целый сонм красивых девушек, которым я и был представлен любезным заправителем коммуны...

Мы уселись «чинно в ряд» и в первые минуты не знали, с чего начать разговор. Спасибо, Левитов вывел нас из затруднительного положения.

– Что же, Василий Алексеевич, – смиренно начал он, – водочкой попотчуеть?..

– Ах, да! – вставая с кресел, воскликнул Слепцов. – Вы, Николай Васильевич, пьете водку?

– Потребляю...

– А то не хотите ли, у меня есть шартрез, шато-д'икем, шато-марго, лафит...

– Нет, начнем лучше с водки...

– Ну, и прекрасно, и я выпью...

– Василий Алексеевич! – вдруг воскликнула одна девушка, держа в руках какую-то увесистую книгу. – Скажите мне, что значит «спланхнология»...

– А черт ее знает! – отвечал Слепцов. – Вот у Левитова надо спросить... Он учился в семинарии и знает древние языки...

– Спланхнология, – задумчиво произнес Левитов, тыкая вилкой в селедку. – Это... это... я вам скажу, такая забористая наука... Николай! – обратился он ко мне. – Ведь ты учился в Медицинской академии и должен знать, что эта за штука такая?..

– Спланхнология, – сказал я, – учение о внутренностях...

– А патология? – спросила девушка.

– Наука о болезнях...

– А синдесмология?

– Учение о связках...

– Да ну вас совсем, Скрипицына! – гневно воскликнул Слепцов. – Уйдите, пожалуйста, отсюда... Нашли время толковать о каких-то синдесмологиях...

Девушка покорно вышла из комнаты, в которой мы сидели.

– Давно не был у Некрасова? – спросил у Слепцова Левитов.

– Вчера обедал у него.

– Ну, обо мне не заходила речь?

– Как же! Все как быть следует... Все соболезнуют, что ты много пьешь... Вредно, брат, я тебе по душе скажу...

– А им, этим литературным плантаторам, не вредно каждый вечер пьянствовать в клубе да объедаться? Я удивляюсь, как у них не произойдет заворота *intestini rectil*...[1].

– Ну, да там, Александр Иванович, пьют не сивуху, а шампанское... Это большая разница...

В это время вошла другая девушка и объ-

явила Слепцову:

– Василий Алексеевич! Что вы мне посоветуете читать?

– Разумеется, начните с классиков: читайте Гомера, Ксенофонта, Фукидида, «Параллели великих мужей» Плутарха, Тацита... а после я вам скажу, что делать, только, пожалуйста, умоляю вас, оставьте нас в покое...

Девушка не замедлила удалиться.

– Однако, брат, ты навьючил барышню-то, как верблюда какого, своими советами... – заметил Левитов, беспомощно раскачиваясь из стороны в сторону.

Я шепнул ему, что пора ехать. Он вдруг встрепенулся и, подавая руку Слепцову, проговорил:

– Ну, до свиданья!

Затем, пошептав ему что-то на ухо, Слепцов достал из кармана какую-то незаметную вещь, вручил ее Левитову, и мы отправились восвояси...

– Ну, что, как нравится тебе слепцовская коммуна?

– Признаюсь, Александр Иванович, она приплась мне не совсем по душе...

– А-а! Вот то-то и есть... а ты говоришь, как бы нам тут основать свою резиденцию... Да черт тут не жил!.. – громко возвещал Левитов, проезжая по Невскому. – Представь себе такое безобразие: с утра до ночи Слепцов окружен барышнями, которые без всякого милосердия осаждают его вопросами, что им делать? какую стезю жизни избрать?.. А он надуется какого-нибудь шартрезу и возвещает: «Надо всем идти в *народ!!!*» – «Что ж там делать?» – спрашивают его поклонницы. «Отвяжитесь от меня Христа ради... Что хотите, той делайте... Можете быть учительницами, акушерками... мало ли дела в деревнях?» – «А вы с нами пойдете?» – «Благодарю покорно! Я пешком выходил весь Осташковский уезд, и меня мужики однажды чуть не убили до смерти...» – «За что же?» – «За то, что я во время одного крестного хода не снял шапки перед иконами»...

Недолго процветать суждено было комму-не... Не просуществовав двух-трех месяцев, она, по распоряжению начальства, была закрыта, вследствие каких причин, мне неизвестно. Левитов уверял меня, что в этом «рае

Магомета» между гуриями, которые все поголовно пылали неукротимой страстью к красивому литератору, возникли такие конфликты, которые грозили превратиться в рукопашные схватки и даже побоища... Со своей стороны я мало придаю вероятия такому сообщению.

По слухам, Василий Алексеевич во цвете лет скончался от изнурительной болезни, которая в патологии носит название «*irritatio brinalis*»[2]. Она является неизбежным последствием эротических эксцессов, как гласит медицина, к которой я всегда относился скептически...

Примечания

прямой кишки (лат.)

[^^^]

раздражение (*лат.*)

[^^^]